

Давид Зильберман

Нью-Йорк, США

МОИ ДОПРОСЫ В КГБ

С осени 1970 г. я был вызван три раза в КГБ Латвийской ССР, расположенный в Риге, по ул. Ленина (ныне Бривибас), 61. Первый раз я был вызван по делу против Лейба Хноха за «измену Родине» в связи с Ленинградским процессом¹ и следующие два раза был вызван в связи с делами против Бориса Мафцера, Рут Александрович и Михаила Шепшеловича.

Первый допрос по делу Лейба Хноха

После заполнения анкетных данных начался допрос.

Следователь: Вы знаете такого Лейба Хноха?

*Давид Зильберман*²: Я хотел бы знать, в связи с чем и по какому делу я вызван сюда.

Сл.: Вы сами знаете.

Д. З.: Нет, я ничего не знаю.

Сл.: В связи с делом об измене Родине и захвате самолета.

Д. З.: Я ничего не знаю по этому делу.

Сл.: Я спрашиваю, знаете ли вы Лейба Хноха?

Д. З.: Я знаю Хноха, но не Лейба, а Пинхуса. Я знаю, что у Пинхуса есть брат, зовут его Арье, или Лейб. Я ничего не знаю о нем.

Сл.: Где вы с ним познакомились?

Д. З.: Я вам уже сказал, что я не знаю Лейба Хноха персонально.

Сл.: Вы врете!

Д. З.: Если вы будете угрожать мне или оскорблять, я вообще не стану давать показания. Я считаю, что вызван сюда как свидетель, а не как обвиняемый.

Сл.: (Зачитывает показания, данные во время допроса Арье Хноха, — текст приблизительный, но содержание сохранено.)

«Я познакомился с Давидом Зильберманом осенью 1969 г. в Румбуле³. Он оказал мне услугу в связи с покупкой дома у Гурвича. За это я сделал ему подарок — мою пишущую машинку. Материалы напечатаны мною».

Ну, что? Что вы на это скажете? Вы подтверждаете это?

Д. З.: Нет! Вообще нет! Эти показания неверные. Я повторяю, что я не знаю Лейба Хноха лично. Я не оказывал ему никаких услуг. Я знаю только Пинхуса Хноха. Я мог оказывать ему какие-то услуги.

Сл.: Как вы познакомились с Пинхусом Хнохом и где?

Д. З.: Я знаю его по еврейскому хору при Дворце культуры Московского района. Мы оба были членами хора.

---

¹ Обратный перевод автора с английского. Оригинальный русский текст утрачен.

Сл.: Вы поддерживали с ним связь позднее?

Д. З.: С кем?

Сл.: С Пинхусом Хнохом.

Д. З.: Я полагаю, что дело касается обвиняемого Лейба Хноха, а не Пинхуса. Какое имеет значение мое знакомство с Пинхусом в связи с этим делом?

Сл.: Оно непосредственно связано с этим делом.

Д. З.: Я встречал его очень редко, эпизодически, потому что Пинхус Хнох живет в Даугавпилсе, а я — в Риге, и он приезжает в Ригу очень редко.

Сл.: И вы встречали Лейба Хноха?

Д. З.: Я вам уже сказал, что, когда я познакомился с Пинхусом Хнохом и мы были в дружеских отношениях, я узнал от него, что у него есть младший брат Арье, или Лейб, молодой парень. Лейб не мог быть моим другом из-за разницы в возрасте.

Сл.: Как же это оказалось, что вы и он имели одну и ту же пишущую машинку “Remington” номер LX-69146? Кто дал кому?

Д. З.: Это моя пишущая машинка, и я не давал ее ему.

Сл.: Где вы ее получили?

Д. З.: Я купил ее несколько лет тому назад с рук.

Сл.: От кого и где?

Д. З.: От незнакомого человека на рынке в отделе подержанных вещей.

Сл.: В Риге нет рынка подержанных вещей.

Д. З.: Несколько лет тому назад, в 1961—1962 гг., когда я купил эту пишущую машинку, на Рижском рынке была барахолка, и там можно было купить с рук разные подержанные вещи.

Сл.: Вы давали вашу пишущую машинку Лейбу Хноху?

Д. З.: Нет, не давал.

Сл.: Так как же она перешла к нему, в его пользование? Не забывайте, уголовный процесс будет возбужден против вас, если вы дадите ложные показания!

Д. З.: Я это знаю и заявляю с полной ответственностью: я не знаю Лейба Хноха лично, и, следовательно, я не давал ему ни моей пишущей машинки, ни чего-либо еще.

Сл.: Так как же случилось, что он имел вашу пишущую машинку? Она что, с неба свалилась к нему, что ли?

Д. З.: Моя пишущая машинка очень старая. Я часто одалживал ее моим близким друзьям, чтобы напечатать личное письмо или жалобу.

Сл.: Кому именно вы давали ее?

Д. З.: Я не могу вам дать конкретных имен. Если я скажу вам, что я давал ее Гарберу, Янкевичу и Блюму, то вы скажете, что это старый трюк. Поэтому я не могу дать вам конкретных имен, потому что я в точности не помню. Однако Лейб Хнох не является моим близким знакомым и я не давал ему лично моей пишущей машинки. Как оказалась у него моя пишущая машинка, я не знаю. Возможно, какой-то из моих знакомых, который получил пишущую машинку от меня, позволил Лейбу Хноху попользоваться ею какое-то время.

Сл.: Давали ли вы ее на продолжительное время?

Д. З.: Нет, только на день или два и на условиях, что она должна быть возвращена.

Сл.: Вы знаете Сильву Залмансон?

Д. З.: Нет, я не знаю.

Сл.: Запомните! Мы не закончили разговаривать с вами. Если мы найдем, что вы нас обманываете, мы с вами будем разговаривать иначе.

Д. З.: Я вам сказал всю правду, мне нечего к этому добавить.

Комментарий к допросу в связи с делом Лейба (Арье) Хноха

Я познакомился с Арье Хнохом через Арона Шпильберга, с которым совместно с Борисом Мафцером мы составляли отдельную подпольную сионистскую группу. По просьбе Шпильберга я познакомил Арье с моим приятелем Иосифом Гурвичем, у которого Хнох купил дом, в котором была организована конспиративная квартира. Этот дом расположен в изолированном месте вблизи Риги, по ул. Малиенес, в районе за Шмерли.

Во время обыска в доме Хноха помимо прочих вещей была конфискована машинописная книга «Шестидневная война». Я в свое время перевел эту книгу с оригинала на идише на русский и напечатал несколько копий на моей пишущей машинке. Позднее Доля Бурин, Арье Хнох и другие размножили эту книгу на множительном аппарате «ЭРА» и распространили по многим городам СССР.

(В КГБ, очевидно, пришли к выводу, что это именно Арье Хнох напечатал эту книгу на моей пишущей машинке. Видимо, Арье Хнох на допросах взял это на себя и не выдал меня, а шрифт моей машинки они без труда идентифицировали по моим многочисленным официальным письмам и заявлениям с просьбой о выезде в Израиль.)

Второй допрос

В декабре 1970 г. я снова получил повестку явиться в КГБ в качестве свидетеля. Допрос проводился старшим следователем по особо важным делам майором КГБ Красновым. Допрос проходил в его кабинете.

После шаблонных вопросов об имени, фамилии, месте и дате рождения допрос протекал следующим образом.

Краснов: Я думаю, что вас уже вызывали в 1964 г. Мы имели тогда с вами беседу, но вы не сделали необходимых выводов. Таким образом, мы должны были вас вызвать снова, но на этот раз это будет более серьезно.

Когда вас вызывали в последний раз?

Давид Зильберман: В последний раз я был вызван в связи с делом Лейба Хноха.

Кр.: Сегодня мы вас вызвали в связи с другим делом.

Д. З.: По какому именно делу?

Кр.: В связи с антисоветской деятельностью группы Шпильберга, Мафцера и др.

Д. З.: Я ничего не знаю по этому делу.

Кр.: Я предупреждаю вас с самого начала, если вы возьмете такую линию, а мы уже имели здесь таких героев, то мы не станем много с вами церемониться. Не думайте, что вы можете злоупотреблять гуманностью советской власти.

Д. З.: Вы угрожаете мне. В каком качестве вы меня вызвали? В повестке указано, что меня вызывают в качестве свидетеля, и только в таком качестве в соответствии с уголовным кодексом мы можем продолжать наш разговор. Я могу отвечать только то, что знаю. Я не имею намерения придумывать или клеветать на кого-либо, в том числе и на самого себя.

Кр.: Вы знаете Аркадия Шпильберга?

Д. З.: Да, немного, но очень поверхностно. Однако его имя не Аркадий, а Арон.

Кр.: Как хорошо вы его знаете?

Д. З.: Я скорее знаю его жену, Маргариту Шпильберг, урожденную Соломяк.

Кр.: Где вы ее встречали?

Д. З.: Маргарита Шпильберг была ученицей моей жены Бэллы. Впоследствии мы иногда встречались случайно на улицах. Однажды моя жена и я встретили Маргариту в сопровождении молодого человека. Мы остановились, и она представила его нам как ее мужа. Мы поздравили их и разошлись каждый своим путем.

Кр.: О чем вы говорили?

Д. З.: Я не помню в точности. Женщины разговаривали о домашних делах. Мы, мужчины, стояли рядом и молчали.

Кр.: Но Шпильберг сказал нам, что он знает вас хорошо и что вы встретились в доме Гарберов.

Д. З.: Я не могу сказать определенно, было ли это в доме Гарберов, но не буду отрицать, что это было там. Я часто посещаю Гарберов, и возможно, что именно там Маргарита Шпильберг представила моей жене и мне ее мужа.

Кр.: Вы его посещали в его доме?

Д. З.: Нет, не посещал.

Кр.: А он посещал вас?

Д. З.: Он специально никогда не посещал нас, поскольку я знаю его слегка. Но, возможно, его жена могла приходить, и, возможно, они оба приходили.

Кр.: О чем вы беседовали?

Д. З.: Женщины всегда говорили о своих делах. Однажды Маргарита пришла со своим мужем и обратилась ко мне с просьбой посоветовать в отношении процедуры подачи документов в ОВИР⁴ Министерства внутренних дел, поскольку они намеревались подать [заявление] на эмиграцию в Израиль.

Кр.: Почему они пришли именно к вам?

Д. З.: Я не знаю. Возможно, потому, что все знают, что я много лет подаю документы на эмиграцию в Израиль и, следовательно, знаю хорошо процедуру и знаю, какие именно документы для этого необходимы.

Кр.: Вы давали Шпильбергу что-нибудь?

Д. З.: Я не помню. Думаю, что ничего. Их интересовали только документы для ОВИРа. Однако, может быть, я им дал некоторые анкеты или личные характеристики как для образца.

(Я знал, что во время обыска в доме Шпильбергов у них нашли и изъяли копию моей производственной характеристики для ОВИРа и мои рукописи о Рижском гетто.)

Кр.: Вы ему дали что-нибудь еще?

Д. З.: Я думаю, ничего. Единственно, может быть, я им дал почитать мои рукописи о Рижском гетто.

Кр.: И почему вы собираете эти материалы о гетто?

Д. З.: Когда наша семья вернулась из эвакуации, я был потрясен трагедией нашего народа. Многие мои родственники были убиты. Я стал интересоваться, как это все произошло. Я опрашивал свидетелей. Я хотел понять, почему именно евреев нацисты хотели полностью уничтожить. Я понимал, что после

евреев настала бы очередь стать жертвами для поляков, русских, чехов и т. д. Но евреи были первыми. Так я втянулся в эту работу и собрал много документальных материалов, которые были забраны вами во время обыска в моем доме.

Кр.: Ваше заключение вполне правильное. Конечно, причина всему этому – нацизм, бешеный национализм. Сегодня неонацисты стали поднимать голову в Германии. А что происходит в Израиле против арабов?! Это еще хуже германских фашистов. Вот о чем вам следовало бы писать.

Д. З.: Каждый, включая вас и меня, имеет право писать только то, что он сам видел. Вы были в Израиле? Вы это видели своими глазами?

Кр.: Вы что, не верите газетам?

Д. З.: Газеты освещают ближневосточный конфликт очень односторонне. Например, газеты ни разу не осудили тот факт, что арабы закрыли Тиранский пролив и хотят уничтожить Израиль и сбросить всех евреев в море. Я также имею основание полагать, что ваше сообщение не основано на фактах. Вот если я прибуду в Израиль и увижу, что это действительно так, тогда я возмущусь. А пока я не имею намерения дискутировать с вами по этому вопросу.

Кр.: Давал ли вам Шпильберг антисоветскую сионистскую литературу?

Д. З.: Я не знаю, что вы под этим подразумеваете. У меня в доме вполне много литературы, беллетристики и также технической, и у меня не было оснований просить у него какую-либо литературу. В случае необходимости для этой цели имеются библиотеки.

Кр.: Давал ли вам Шпильберг читать «Экodus»⁵?

Д. З.: Я вам уже говорил, что Шпильберг мне ничего не давал читать, в том числе «Экodus».

Кр.: А вы сами читали «Экodus»?

Д. З.: Я слышал об этой работе, но это ничего не имеет общего с делом Шпильберга.

Кр.: Давал ли вам Шпильберг «Итон»⁶?

Д. З.: Я не знаю, что это такое. В иврите имеется слово «итон», с ударением на втором слого, что означает «газета». Шпильберг мне также не давал никаких газет. Я повторяю категорически: Шпильберг мне не давал читать никакой литературы.

Кр.: «Итон» или «Ит^он» — любой, какой вы предпочитаете, является антисоветской брошюрой. Они публиковали их по номерам 1, 2, 3 и т. д. Давал ли вам Шпильберг их читать?

Д. З.: Нет, не давал.

Кр.: Какая наглая ложь! У нас есть факты, что вы их читали!

Д. З.: Вы меня оскорбляете.

Кр.: Что вы знаете в отношении антисоветской брошюры «Ваш родной язык»⁷?

Д. З.: Я ничего не знаю о такой брошюре.

Кр.: Да, вы знаете. Вы ее получили от Шпильберга для распространения!

Д. З.: Я думаю, что я знаю лучше вас, получил ли я или нет. Я повторяю: я не получил от Шпильберга никакой брошюры.

Кр.: Какое нахальство! У него полностью свернута голова!

(Пауза. Следователь Краснов впился в меня своими злыми, свирепыми глазами. Я тоже впился в него зло, и так прошла долгая минута, пока мы зло глядели

друг другу в глаза. В кабинете ни звука. Я внутренне весь сконцентрирован, не спешу с ответами. Я обдумываю каждый вопрос и отвечаю лаконично, твердо и уверенно.)

Кр.: Когда вы в последний раз видели Шпильберга?

Д. З.: Я видел его летом, в конце моего отпуска. Мы с женой были в кино на взморье и встретили Шпильбергов перед началом фильма.

Кр.: О чем вы говорили?

Д. З.: Мы спросили о здоровье Маргариты. Она была на последнем месяце беременности. Женщины разговаривали немного о детях и разных домашних делах, и мы расстались

Кр.: Вы знаете Бориса Мафцера?

Д. З.: Я немного его знаю.

Кр.: Как вы с ним встретились?

Д. З.: Несколько лет тому назад ко мне на квартиру пришел высокий мужчина в очках и представился Борисом Мафцером, кинолюбителем, работающим при Дворце культуры «ВЭФ».

Кр.: Какие он носил очки?

(Это, казалось бы, странный и малозначительный вопрос. Однако я его долго продумываю. Мафцер обычно носил толстые, прозрачные, в черепашьей оправе очки. Но в последнее время он стал носить темные очки. Если я скажу, что он носил темные очки, — это будет удар по моим утверждениям, что я его не встречал в последнее время и не поддерживал с ним отношений.)

Д. З.: Ну, обычные очки.

Кр.: Я вас спрашиваю, это были светлые или темные очки?

Д. З.: Обычные очки, такие, какие носят близорукие люди, светлые очки, таким я его запомнил.

Кр.: О чем вы с ним говорили?

Д. З.: Мафцер сказал мне, что он много слышал обо мне, что я собираю материалы о Рижском гетто, о зверствах фашистов на оккупированной территории Латвии и о сопротивлении обреченных евреев. Позже Мафцер сказал мне, что он хочет сделать любительский кинофильм о Рижском гетто, и спросил меня, могу ли я предложить какой-либо оригинальный источник для этой цели. Я спросил его, есть ли у него уже идея, сюжет, сценарий фильма и т. д. Он ответил, что работает над этим. Тогда я дал ему некоторые мои рукописи, я думаю, о Жане Липке⁸ и другие материалы.

Кр.: Приходил ли он в дальнейшем?

Д. З.: Нет, не приходил.

Кр.: Видели ли вы его снова?

Д. З.: Я мог его видеть случайно, эпизодически. Думаю, что в Румбуле. Я ждал, что он мне принесет сценарий. Я спросил его в отношении фильма, и он ответил, что он все еще над этим работает. Он не говорил ни о чем другом.

Кр.: Приносил ли вам Мафцер читать «Итоны»?

Д. З.: Мафцер не приносил мне читать ничего, в том числе «Итоны».

Кр.: Это ложь! Мафцер приносил их вам на квартиру родителей вашей жены, по адресу: улица Ленина, 162, квартира 3. И вы их читали!

Д. З.: Мафцер мне ничего не приносил, в том числе «Итоны», следовательно, я не мог их читать.

Кр.: Какой лицемер! Как он лжет!..

Д. З.: Вы все время меня оскорбляете и создаете ненормальную атмосферу для дачи показаний как свидетелю! Если вы сами все знаете, то мои показания больше не нужны...

Кр.: Когда Мафцер принес вам «Итоны»?

Д. З.: Вы что? Это что игра в шашки? Я вам уже сказал, что Мафцер мне не давал никаких «Итонов» и никаких других литературных материалов. Вы что думаете, что я по ошибке, как «фук» в шашках, смогу сказать «да» и вы меня поймаете на слове?

Кр.: Что вы знаете о книге «Маккавеи»?

Д. З.: Я знаю о восстании Маккавеев против греко-сирийского правления в древней Палестине. Это история о национально-освободительном движении еврейского народа, которая закончилась восстановлением Иерусалимского храма, и она знакома каждому культурному человеку. Я знаю, что на эту тему написано много книг прогрессивными писателями, начиная с античного периода и до настоящего времени. Эта история увековечена в памяти нашего народа праздником Ханука.

Кр.: Вы давали Мафцеру эту книгу печатать?

Д. З.: Нет, я не давал.

(Краснов вынимает из сейфа толстую папку, очевидно, протоколы допросов арестованных, находит по закладке необходимый абзац и читает показания Мафцера.)

Кр.: А это то, что Мафцер сказал по этому вопросу (текст приблизительный): «...через Давида Зильбермана я познакомился с машинисткой Самборской. Она согласилась печатать сионистскую литературу на нашей пишущей машинке "Consul". Она напечатала несколько десятков экземпляров [книг] «Эксодус» и «Маккавеи». Зильберман обеспечил мне перевод с английского и иврита на русский и финансировал расходы. Всего я получил на эти цели 800 рублей...»

Ну, что вы теперь скажете?

Д. З.: Что я могу сказать. Все это клевета и ложь. Я никаких дел с ним не имел, конечно, не имел финансовых дел. Я вам уже сказал раньше, чем ограничивалось мое знакомство с Мафцером.

Кр.: Как вы смеете так лгать перед неопровержимыми доказательствами!

Д. З.: Если я обвиняемый, так к чему вся эта комедия с показаниями как свидетеля?

(Пауза. Краснов курит и говорит сам себе: «Вот что они творят! И ему еще заплатят за это время как за рабочий день! Они стали абсолютно необузданными!.. До бесстыдства наглыми!...»)

Кр.: А что вы на это скажете? (Читает дальше из показаний Мафцера.)

«Летом 1969 г. в Москве состоялась Общесоюзная сионистская конференция под кодовым названием «Пушкин». Я поехал туда от нашей рижской организации. Место и дату конференции мне сообщила Рут Александрович. Перед поездкой я встретил Зильбермана, и он попросил меня выяснить точку зрения представителей других городов в отношении общих действий. Он также выразил мнение евреев Риги, что в настоящее время они еще не созрели для открытия огня коллективными письмами по Советскому Союзу. Он попросил меня прийти к согласию по этому вопросу на конференции. После моего возвращения в Ригу я снова встретил Зильбермана и проинформировал его вкратце о содержании московской встречи...»

Ну, что сейчас? Вы ничего не знаете и об этом тоже?

Д. З.: (Не спеша.) Все, что вы прочитали мне, — это бред, плод больного воображения. Вы, вероятно, довели его до такого состояния, что у него начались галлюцинации.

Кр.: Я прошу вас ответить по существу вопроса.

Д. З.: Я отвечу. Я ничего не слышал ни о конференции, ни о Пушкине, ни о Лермонтове, ни о другом. Я ничего не знаю об этом. Я не говорил с Мафцером ничего об этом.

Кр.: Вы бессовестны!..

(Следователь бурно выражал свое негодование, однако я его не прерывал, чтобы не спровоцировать, давал ему «покипятиться») и сидел с безразличным выражением лица. Последовала длинная пауза.)

Что вы знаете о Рут Александрович?

Д. З.: Я знаю семью Александрович. Я посещаю их. Мои отношения, однако, связаны с Ривой Александрович.

Кр.: Вы знаете лично Рут Александрович?

Д. З.: Я знаю, что у Александровичей двое детей — Рут и Виктор. Однако по возрасту в друзья мне годятся только родители. С Рут Александрович у меня никаких отношений нет.

Кр.: О чем вы говорили в доме Александровичей?

Д. З.: Рива Александрович имеет родителей в Израиле. Мой отец тоже в Израиле. Это объединяет нас. Мы говорили о наших родителях.

Кр.: Вы знаете Михаила Шепшеловича?

Д. З.: Нет, не знаю такого имени.

Кр.: Хорошо. На сегодня достаточно. Однако наш разговор далеко не закончен. Идите.

Третий допрос, 9 января 1971 г.

Это был выходной день — суббота. Накануне, в пятницу, у меня был телефонный звонок по месту моей работы, мне велели прийти в КГБ на следующий день, в субботу.

В 9 часов утра Краснов повел меня в кабинет № 634 на шестом этаже. Он уселся, взял что-то из своего стола и начал писать. Я сидел напротив него. Вдруг открылась задняя дверь. Я повернулся. Вошел мужчина средних лет, блондин. Он прошел вокруг стола, уставился на меня и сказал: «Так вот он какой Зильберман! Никогда бы не подумал! Нет, никогда бы не подумал! Ну, а что вы? Не узнаете меня?»

Д. З.: Нет, не узнаю.

Он: Да, узнаете, вижу что узнаете.

Д. З.: Нет, я не узнаю.

Он: Как же это так может быть? Мы вместе в школе на танцы ходили, вместе в волейбол играли, вместе встречались на районном комитете комсомола. Ну, а как сейчас, узнаете?.. Да, хорош Зильберман! Никогда бы не подумал, что встречу тебя в таком месте. Ну, а теперь узнал?

Д. З.: Нет, не узнаю.

Он: Помнишь Братковского?

Д. З.: Да, теперь смутно припоминаю. Мой отец, наверно, вспомнил бы вас лучше. Кроме того, прошло 20 лет. Я поздравляю вас с успешной карьерой. А я все эти годы стремлюсь уехать к моему отцу в Израиль.

Братковский: Да, мы всё знаем, и твоего отца, и брата, мы знаем вас всех.

Д. З.: Я бы на вашем месте сейчас бы постеснялся передо мной — вы знаете, что мой отец очень стар и болен и нуждается в уходе и моей помощи, и я не уверен, увижу ли я его еще в живых. А вы все эти годы мучаете меня, делаете из этого посмешище и не даёте мне уехать.

Бр.: Это не зависит от нас, этим занимаются специальные товарищи. Но никто не давал вам право нарушать советские законы!

Д. З.: Я ничего не нарушал. Все эти семь лет я только пытался уехать к моему отцу. Если бы вы дали мне возможность уехать в Израиль, вам не нужно было бы тогда сидеть тут и заниматься нашими делами.

Бр.: Зильберман! Мы знаем всё. Запомните! Научно установлено, что вы имеете ко всем этим делам самое непосредственное отношение (указывает пальцем на кипу папок), а может быть, вы даже главарь. Мы это не позволим! Скажите, как вы встретились с Мафцером?

Д. З.: Я уже отвечал на этот вопрос. Это уже записано в протоколе.

Бр.: Скажите еще раз!

Д. З.: Если вы желаете — пожалуйста. Однажды высокий молодой человек пришел повидать меня и представился как Борис Мафцер; он мне сказал, что он кинолюбитель при Дворце культуры и хотел бы сделать любительский фильм о Рижском гетто. У меня не было никаких других дел с ним.

Бр.: Давал ли он вам «Итоны» и антисоветскую литературу?

Д. З.: Нет, он никогда мне не давал никаких материалов.

Бр.: Вы давали ему деньги для публикаций подпольной сионистской литературы? Он получил от вас 800 рублей?

Д. З.: Я повторяю: я никогда не давал и не получал от него ни копейки, не получал от него никакой литературы и ничего другого.

Бр.: Вы посылали Мафцера на Общесоюзный сионистский конгресс?

Д. З.: Я ничего не знаю о таком конгрессе и не имею к нему никакого отношения. Я не являюсь членом никакой организации и, естественно, не могу никуда посылать.

Бр.: Зильберман! Вы играетесь с огнем. Это в ваших интересах сделать чистосердечное признание. Мы знаем, что вы были в той же самой организации с Мафцером и Шпильбергом.

Д. З.: Мне нечего добавить. Я сказал всю правду. Я ничего больше не знаю. Все, что я хочу, — это уехать в Израиль. Ничто другое меня не интересует.

Бр.: Если бы это действительно было так! Но суд это все установит!

(В заключение он сказал Краснову: «Продолжайте!» и покинул кабинет.)

Краснов: Вы знаете Самборскую Изабеллу Исаевну?

Д. З.: Да, немного. Она печатала некоторые мои материалы о Рижском гетто. Но какое это имеет отношение к делу Шпильберга и Мафцера?

Кр.: Если я спрашиваю, значит, имеет отношение.

Д. З.: Самборская... Я не знаю ее имени и отчества... печатала для меня некоторые материалы о Рижском гетто.

Кр.: Где вы ее встретили?

Д. З.: Я был заинтересован в машинистке. Мне нужно было кое-что напечатать о Рижском гетто. Кто-то на работе мне посоветовал обратиться в контору по улице Горького [ныне К. Валдемара]. Я пошел туда и встретил там эту женщину, Самборскую. И она взяла с собой рукопись моих рассказов, чтобы их напечатать.

Кр.: Куда вы ходили, чтобы забрать готовую работу?

Д. З.: Она дала мне адрес где-то по Московской улице, в Кенгарагсе. Туда я приходил забирать готовые отпечатанные материалы.

Кр.: Вы приводили к ней Мафцера?

Д. З.: Нет, я никого к ней не приводил и ни с кем не знакомил.

Кр.: Это неправда! Это были вы, кто ее познакомил с Мафцером! Вот что она сама рассказала об этом (читает):

«Я встретила Зильбермана Давида Соломоновича через Иосифа Гурвича. Я напечатала для него несколько работ: историю Шпунгина о Рижском гетто, о Жане Липке, о Румбуле и некоторые другие вещи. Однажды Давид Зильберман привел ко мне высокого молодого человека, который представился как Борис. По просьбе Бориса я напечатала “Маккавей”, “Эксодус”...»

Ну, Вы подтверждаете это!?

Д. З.: Нет, вовсе нет. Это ложь. Она старая эксцентричная женщина, у нее много разных странностей. Ей могло показаться, что кто-то пришел вместе со мной. Я действительно, как сказал ранее, печатал у нее некоторые вещи. Однако я никого не приводил к ней и ни с кем не знакомил. Возможно, кто-то приходил к ней до меня или после меня, а такой женщине — не забудьте, что речь идет о событиях двухлетней давности, — ей могло показаться, что мы пришли вместе. Что касается того, кто представил ее мне, кто-то по имени Гурвич или кто-то еще — этого я не помню.

(Возмущенно разговаривая сам с собой, Краснов говорит, что каждый эксцентричный — идиот или дурак! Лишь он один такой умный и думает, что ему все дозволено!.. Долгая пауза.)

Кр.: Вы знаете Иосифа Ройтмана?

Д. З.: Нет, это имя мне ни о чем не говорит.

Кр.: Он моряк, с усами. Он всегда выступает в Румбуле.

Д. З.: Я действительно видел моряка, выступающего в Румбуле, но я с ним лично не знаком.

Кр. (торжественно, церемониально и напыщенно): Итак, экспертами-криминалистами было установлено, что на вашей пишущей машинке “*Remington No. LX-69146*” Иосиф Ройтман печатал антисоветские обращения, адресованные за границу, с целью клеветы на Советский Союз. Ну, что вы сейчас скажете?

Д. З.: Ничего особенного. Это вполне возможно. Что такое в сущности печатная машинка? Это пишущий инструмент подобно авторучке или карандашу. Многие люди, в частности журналисты, никогда не пользуются авторучкой, а только печатной машинкой. Моя пишущая машинка очень старая, я ею не особенно дорожу. На предыдущем допросе я уже заявлял, что часто одалживал пишущую машинку своим друзьям печатать личные письма или жалобы. А каким образом он получил ее — этого я знать не могу. Возможно, через моих знакомых или друзей. Я также не знаю, что он печатал на ней.

Кр.: По вашему, все выходит шито гладко — вы ничего не знаете, ничего не видели, не слышали. Однако факты доказывают обратное.

Д. З.: Как свидетель я должен говорить только то, что действительно знаю, но я категорически отказываюсь выдумывать вещи или подтверждать чей-то бред.

Кр.: Зильберман! Вы подписывали коллективные письма?

Д. З.: Да, и в большом количестве.

Кр. (вынимает из пачки коллективное письмо евреев Риги): И среди этих писем вы писали так называемое «Обращение к участникам Седьмого Международного симпозиума по химии природных соединений»?

Д. З.: Да, я подписывал это обращение тоже.

(Длинная пауза. Следователь испытывающе смотрит на меня.)

Какое это имеет отношение к делу Мафцера—Шпильберга?

Кр.: Это имеет самое прямое отношение к этому.

(Предварительно я планировал отказываться давать какие-либо показания в КГБ в связи с коллективными письмами с просьбой о помощи в эмиграции в Израиль. Однако после допроса Ройтмана в КГБ в связи с делом Шпильберга Иосиф Ройтман пришел ко мне в тот же день и сообщил содержание его допроса. Я решил тогда придерживаться согласованной версии, которую дал на допросе Ройтман.)

Д. З.: Летом, в мае или июне, какой-то человек позвонил мне на квартиру и попросил встретиться с ним на углу в центре города.

Кр.: Когда он позвонил?

Д. З.: Это было после рабочего дня, часов в 6 или 7 вечера.

Кр.: Он назвал свое имя? Он сообщил что-нибудь еще?

Д. З.: Нет, ничего. Он не назвал своего имени, только попросил встретиться с ним. Я даже не знал, с какой целью.

Кр.: И что произошло дальше?

Д. З.: Я пришел на угол назначенной улицы, остановился там и стал ждать.

Кр. (перебивая): Нет, вы зашли в квартиру.

Д. З.: Возможно, вы знаете лучше, чем я, тогда мне нет смысла продолжать рассказывать вам об этом.

(Следователь улыбается, делая вид, что все, что я рассказываю ему, настолько абсурдно, что он это не может воспринимать серьезно. Однако я сохраняю спокойствие и мрачную серьезность, отвечаю очень медленно и осторожно, четко произнося каждое слово.)

Кр.: Продолжайте!

Д. З.: Тогда незнакомый человек в темных очках подошел ко мне и сказал...

Кр. (перебивая меня): Это не был Ройтман или Шпильберг?

Д. З.: Я вам уже сказал, что это был для меня незнакомый человек.

Кр.: Как он выглядел?

Д. З.: Что вы имеете в виду — как он выглядел? Он был среднего возраста, в очках. Он очень был похож на вас.

Кр. (стучит обоими кулаками по столу и с возмущением вспыхивает): Причем тут я?!

Д. З.: В конце концов я не знаю вашего возраста, может, вам 40 или 50 лет. Тот человек в очках был примерно вашего возраста.

Кр.: Как он врет! Без стыда! Без совести!

Д. З.: Я снова повторяю: вы вызвали меня как свидетеля, и я не пришел сюда выслушивать ваши оскорбления. Если вы все знаете, тогда мне нет смысла вам рассказывать об этом.

(Следователь курит и думает. Он не поднимается с места и не спускает с меня глаз.)

Кр.: И дальше, как там было на той квартире?

Д. З.: Я вам говорил много раз, что эта встреча состоялась на улице, а не на квартире. Незнакомый человек попросил меня подписать этот документ.

Он сказал мне: «Вы Зильберман. Я знаю, что вы много лет пытаетесь уехать в Израиль, там ваш отец. Группа рижских евреев решила обратиться к ученым международного симпозиума, который состоится в ближайшем будущем в Риге. Хотите ли вы присоединиться к ним?» Я попросил текст, прочел его внимательно и согласился подписать. Я прислонился к стене и подписал его.

Кр.: И сколько экземпляров вы подписали?

Д. З.: Три или четыре, я не помню точно, сколько. Я подписал столько, сколько меня просили.

Кр.: Кто еще подписал это?

Д. З.: Я не видел другие подписи. Подписи до меня и после меня были закрыты бумагой и скрепками. Только строка для моей подписи была открыта.

Кр.: Ну, а что потом?

Д. З.: Ничего. Мы расстались.

Кр.: Нет, вы ушли, а он остался в квартире, и это был Шпильберг.

Д. З.: Это неправда, это ваше воображение. Вы хотите во что бы то ни стало осудить Шпильберга, но все, что он хочет, — это только уехать со своей семьей в Израиль.

Кр.: И вам не стыдно клеветать на нашу страну? Вы неблагодарный человек! Вас защитили, спасли, дали образование, а вы вот как поступаете?!

Д. З.: В письмах, которые я подписывал, нет ни слова клеветы на Советский Союз или лжи. Я только подписывал такие документы, адресованные к советским или международным руководителям, которые содержали только просьбу о помощи в выезде в Израиль.

Кр.: А разве это не клевета? Вот смотрите сами! (Зачитывает):

«...мы обречены на насильственную ассимиляцию...»

(Про себя: «Их заставляют! Ассимилироваться!»)

Д. З.: Я читал это обращение очень внимательно и заявляю с полной ответственностью, что там нет ни слова неправды. Что касается насильственной ассимиляции евреев, это действительно существует в Советском Союзе. Точно так же, как я сижу сейчас перед вами, я так же спорил четыре часа с министром культуры Латвийской ССР Каупужем, а затем с заведующим отделом агитации и пропаганды Рижского городского комитета партии Кудлаком и просил их об открытии в Риге Еврейского театра художественной самодеятельности. И что произошло? Они сказали мне: пойте на латышском или на русском, но только не на идише!

Кр.: Слушайте, в Латвии имеются десятки национальностей помимо русских или латышей. Имеются украинцы, белоруссы, грузины, татары и т. д. И что произойдет, если на сцене каждый появится со своим языком?

Д. З.: Ну и что! Ничего особенного! Если, например, какая-то группа украинцев или другой национальности пришла бы и сказала, что они хотят петь на украинском или белорусском языках или танцевать свои народные танцы, — кто бы им отказал? Им бы сказали: пожалуйста, действуйте. Все, что от них требовалось бы, — это желание и инициатива. На всех языках, но только не на идише! Вот это и есть дискриминация! Это то, что сказано в обращении к Международному симпозиуму ученых. И это то, к чему я буду взывать ко всему миру. Запомните, это в ваших интересах отпустить меня в Израиль как можно скорее. Меня ничто не остановит — или убейте меня, или отпустите в Израиль. Таков я есть! Таким меня родила моя еврейская мать!

(Это был последний вопрос. После этого Краснов вернулся к проверке моих материалов, изъятых во время обыска в нашей квартире. Некоторые из этих материалов мне были возвращены. Краснов отпустил меня домой, сказав, что я буду вызван в суд, который расследует мое дело и вынесет в случае необходимости обвинительное заключение и откроет против меня уголовный процесс.)

Нью-Йорк, ноябрь 2006 г.

Комментарий к записям допросов в целом

Этот материал никогда и нигде не был опубликован ни на одном языке. Эти мои записи допросов в КГБ в 1970—1971 гг. связаны с открытием политических процессов после «самолетного дела» в июне 1970 г. в Ленинграде, Кишиневе и Риге, в частности по делам Арье Хноха, Бориса Мафцера, Арона Шпильберга, Михаила Шепшеловича и Рут Александрович.

Дело в том, что ко времени нашего прибытия в Израиль в апреле 1971 г. правительство Израиля поручило Генеральному прокурору страны Гидеону Хаузнеру организовать юридическую и политическую защиту и помощь арестованным. Всех вновь прибывших, имеющих прямое отношение к этим процессам, пригласили в Иерусалим на встречу с Г. Хаузнером. Я тоже был приглашен, и каждый из нас (с помощью переводчика) изложил все, что знал по этому делу, свою точку зрения и свои рекомендации. Я рассказал вкратце содержание моих допросов, которые заинтересовали Г. Хаузнера, и он попросил меня подробно изложить это письменно как можно точнее, с фактическими вопросами и моими ответами, с указанием имен, дат, фактов, в чем конкретно советские органы правосудия обвиняют арестованных, и т. д.

После каждого допроса я информировал своих близких друзей по движению о содержании допросов, и мы согласовывали в связи с этим наши действия. По обыкновению я вкратце конспектировал все важные для меня события, и мне удалось привезти в Израиль свои конспекты, прочесть и понять которые мог только я сам. Так я восстановил в подробностях содержание моих допросов.

Тогда, в мой начальный период жизни в Израиле, у меня еще не было пишущей машинки, и свой рукописный текст я отдал в «Мисрад-Ахуц» (это тогда было отделение Министерства иностранных дел, предшественник нынешнего «Натива»). Там они перевели его на английский язык и засекретили. Мне мою рукопись не вернули, и у меня сохранился только английский текст, который мне дали для сверки. После этого меня больше не вызывали по этому делу. Как г-н Хаузнер воспользовался моим такстом, я тоже не знаю. Тогда в Израиле это все делалось под большим секретом, и моя рукопись канула в недра израильской бюрократии.

Поскольку, как я знаю, в Латвии усилился интерес к истории нашего движения 60—70-х гг., я решил по английскому переводу восстановить русский текст и передать его для публикации. Полагаю, что по прошествии более 40 лет и после краха Советской империи этот материал больше не имеет смысла держать в секрете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об этом см. в ст. Ольги Алексеевой, опубликованной в настоящем сборнике, с. 313—334.

² См. прим. 2 на с. 94.

- ³ Имеется в виду мемориал в Румбульском лесу (Рига, ул. Маскавас, 455), созданный на месте расстрела нацистами 25 000 узников Рижского гетто 30 ноября и 8 декабря 1941 г. До них здесь в ночь с 29 на 30 ноября были расстреляны 942 еврея, депортированных из Германии. Расстрелы здесь продолжались и в последующие годы нацистской оккупации. На территории мемориала находятся шесть массовых могил. Первый памятник на этом месте был установлен в 1964 г. благодаря усилиям рижских еврейских активистов. Нынешний мемориал (архитектор Сергей Рыж) открыт в 2002 г. Это одно из самых крупных мест массового уничтожения в Европе. — *Ред.*
- ⁴ ОВИР — отдел виз и регистрации иностранных граждан в системе внутренних дел СССР. — *Ред.*
- ⁵ «Эксодус» — роман американского писателя Леона Юрис (Уриса) (*Leon Uris*; 1924—2003) о периоде, предшествовавшем провозглашению Государства Израиль, и событиях Войны за независимость (экранизирован в 1960 г., русский перевод — 1973 г.). Этот роман принес писателю мировую известность и сыграл особую роль в пробуждении национального самосознания евреев Советского Союза, где его текст циркулировал в самиздате. — *Ред.*
- ⁶ «Итён» («Газета») — самиздатский сионистский журнал, выходивший в Риге в 1970 г. (3 номера), который редактировали Карл Малкин, Лев Коренблит и Иосиф Менделевич. Третий номер был конфискован, и выход издания прекратился. — *Ред.*
- ⁷ Имеется в виду распространявшаяся в самиздате брошюра филолога-востоковеда Михаила Занда, посвященная проблемам изучения иврита евреями в диаспоре. — *Ред.*
- ⁸ Липке Янис (Жанис) (1900—1987) — рижский рабочий. В период нацистской оккупации (1941—1944) укрыл и спас от смерти более 50 евреев. В 1989 г. на рижском Лесном кладбище ему был установлен памятник, а на Новом еврейском кладбище (Шмерли) в 1990 г. — памятный камень в честь его и его супруги Иоганны. Автор обоих памятников — скульптор Лея Новоженец (1921—2012). Имя Ж. Липке стало известно в Латвии и в мире благодаря книгам автора этой публикации: *Зильберман Д. И Ты это видел.* Нью-Йорк, 1989; 2-е изд. Рига, 2006; 3-е изд. М., 2012; *Zilbermans D. Kā zvaigzne tumsā: Atmiņas par Jāni (Žani) Lipki.* R., 2005; *Silberman D. Like a star in the darkness: Recollections about Janis (Zhan) Lipke.* Riga, 2007; [2nd ed.] Riga, 2010; *Зильберман Д. Подобно звезде во мраке: Воспоминания о Жане (Янисе) Липке.* М., 2013.